

Медея из Штутгарта

Ханс-Ульрих Беккер впервые привез свой спектакль на чеховский театральный фестиваль

Штутгартский драматический театр — один из немногих крупных театров Германии, которые позволили себе привлечь к работе молодых и еще малоизвестных режиссеров. Уже пятый год театр возглавляет интендант Фридрих Ширмер, идеалист, страстно влюбленный в новое поколение немецких режиссеров: «Они образованы и нежны, ироничны и чисты сердцем». Благодаря его идеализму, в последние годы Штутгарт стал вторым после Гамбурга театральным городом страны.

Ханс-Ульрих Беккер принадлежит тому поколению немецких режиссеров, чье восхождение началось накануне падения Берлинской стены. Его театральное образование было разнообразным и увлекательным. Окончив школу пантомимы известного чешского педагога, он двинулся дальше — в большое антропологическое путешествие, в надежде прикоснуться к истокам театрального жеста. Школа Эудженио Барбы в Дании открыла в нем способность видеть театр как живую науку о происхождении человеческой культуры. Как и многие люди его поколения, он страстно принялся осваивать разнообразие мира: Германия не была больше вещью в себе, ее культурные границы размыкались все больше навстречу неевропейскому миру. Вслед за школой Барбы последовал Ежи Гротовский. Его тренинг разрабатывал сознание и умение, но страсть к тому, чтобы делать театр, не утолял: лабораторная практика позднего Гротовского отвергает саму возможность создания законченного спектакля.

Между тем, все в нем было готово для того, чтобы начать ставить. Еврипид был среди первых его авторов, вместе с Шекспиром и Венечкой Ерофеевым. После штутгарт-

ской постановки «Медеи» он поставил еврипидовскую трагедию в Бразилии. Чувство священности жизни, молитвенное состояние — все то, что ему было так необходимо в греческой трагедии — достигалось бразильскими актерами с поразительной легкостью. Между тем, по словам самого Беккера, едва ли не самым трудным в его работе с немецкими актерами было добиться от них этой ритуальной сосредоточенности. В Бразилии никаких объяснений не требовалось. Глубокая и трогательная религиозность артистов сделала свое дело.

«Трудную» штутгартскую постановку мы и увидели в Москве. «Медея» Беккера объединяет опыт языческих ритуальных практик (антропологические штудии не пропали даром) и психологического театра — эта взрывоопасная смесь удерживает игру в состоянии предельного напряжения. Окутанная тьмой сцена выносит двух странных людей, один из которых — подслеповатый дядька из еврипидовской пьесы — читает другому историю аргонавтов и встречи Язона с Медеей. Потом мы поймем, что тот другой — разбитый, безвольно лежащий на полу мужчина — и есть Ясон, и это ему напоминают всю историю их страсти, истоки трагедии. Потом сцена откроется в своем странном великолепии. Мир Эллады Беккер добывает из простых и грубых веществ — воды, дерева, огня, грязной холстины, высокой стеной окружившей дом Медеи. Туда — в чуждый ей эллинский мир — ведет круглая железная лестница. Мир разделен, Медея живет здесь почти как беженка из какого-нибудь боснийского лагеря. Ее окружает хор женщин в фабричных халатах. Беккер ищет в современном брутальном мире приметы древних испепеляющих культов, заставляющих женщин и сегодня уби-

вать своих детей. Его Медея (Ирине Куглер) может поразить своим, едва ли не расчетливым, спокойствием — это современная женщина, в которой живет древняя целостность. Выйдя из своего подземелья, где живут ее дети, и куда она потом уйдет их убивать, Медея ждет вестей сверху — из чуждого ей мира — с решимостью жрицы, которая вновь обрела утраченных богов. Расплетая волосы, она воспеваает Гелиоса и просит прощения за измену своей земле и роду, которых она предала во имя чужеземца.

Один из самых неожиданных мотивов беккеровского спектакля — сговор Медеи с Эгеем (Клаус Вайс), которого она почти соблазняет, обещая осчастливить новыми детьми, если он защитит ее в Афинах. Это темное место еврипидовского текста никогда, кажется, не игралось с такой ясностью — Эгей не просто тот, кто защитит, он тот, кто вновь возьмет в жены, тот, кто даст женщине новую семью после того, как она уничтожит старую. Медея, сидя на колеснице с окровавленными телами детей, вновь призывает Гелиоса, и он в магическом акте приходит к ней как огромная маска. Здесь она сама становится карающим Богом, уносящим жертвенную колесницу в кольцо огня, а вместо нее выходит из подземелья и тихо пересекает сцену новая Медея.

Стиль Беккера называют поэтическим реализмом. Театральным повествованием он доказывает, сколь психологичен каждый поворот еврипидовских диалогов. Но точнее было бы назвать этот реализм магическим, находящим в психологических реакциях героев архетипы языческого мира. И новая Медея приходит на смену прежней, и мстит за своих поруганных богов.

АЛЕНА КАРАСЬ

